

— Но ты ведь при должности, Главный тюремщик, торговать тебе не положено, — добавил Второй дядя. — Оформим дело на твоего Третьего дядю. Лавка будет твоей, но заправлять всем станет он. Будто ты просто сдал ему помещение в аренду.

Дин Тянь на миг растерялся, но быстро уловил суть:

— Хорошо, пусть будет Третий дядя. Оформим аренду на него.

В конце концов, он всего лишь хотел помочь односельчанам. В этом году после уплаты податей у людей ещё оставались кое-какие излишки — как-никак три года налоги не собирали, и в закромах скопилось зерно. Но это вовсе не означало, что крестьяне и дальше будут жить в таком же достатке.

Купцы испокон веков пеклись лишь о собственной наживе.

Хлеб — товар первой необходимости, без него не выжить. Скупать его подешевле, а продавать втридорога — дело для торговцев обычное, но чтобы сбивать цену так нагло, как это делало семейство Гао, нужно было иметь недюжинную дерзость.

Память прежнего хозяина тела подсказывала Дин Тяню: прежде перекупщики брали зерно вдвое дороже, притом что продавали его потом почти по той же цене, что и сейчас.

Похоже, заправила из дома Гао смекнула, что из-за пяти урожайных лет подряд прибыль с хлеба упала, и решили восполнить её, нещадно обирая крестьян. Но ведь когда зерно обесценивается, убытки несут не спекулянты, а те, кто гнёт спину в поле.

Сам Дин Тянь жил один — сам сыт, и вся семья не голодна. Свободные деньги у него водились, для скромного дела вполне хватало, да только купеческой жилки в нём не было. Всё, до чего он додумался — открыть собственную зерновую лавку. В конце концов, во всём уездном городе такое заведение было лишь у богача Гао. Почему бы не составить ему конкуренцию?

— Дело дельное, — одобрил Третий дядя, когда племянник поделился с ним своей задумкой. — Сейчас самое время зерно скупать да припрятывать. К весне откроемся, тогда и цены вверх пойдут. А если у кого из наших кошель опустеет, сможем и в долг отпустить до осени. Снимут новый урожай — и вернут зерном. Раньше все лавки так делали. Да только теперь этот живоглот Гао всё под себя подмял, один на весь уезд остался, вот и гнёт свою цену, ирод. Мне и самому ему кланяться неохота.

У самого дяди Дахэ земля родила исправно, но отдавать плоды своих трудов за бесценок в Зерновую лавку семьи Гао ему претило.

— Договорились. Оформим всё так, будто я сдаю лавку тебе, дядя. Скажем, за два лян серебра в год, — предложил Дин Тянь, назвав чисто символическую плату.

— Будет тебе, — усмехнулся дядя. — За такое бойкое место другие и пять лянов не пожалеют. Я буду платить тебе десять. Но тогда уж и в доме твоём мне придётся обустроиться. Восточный флигель у тебя хорош, его за мной и закрепи. Возьму с собой твоего старшего двоюродного брата. До весны время есть, вдвоём мы со всем управимся.

Крестьянскому сыну в тонкостях купеческого ремесла разобраться трудно, но уж в хлебе-то они толк знали с пелёнок. Тут и учиться нечему — сама жизнь научит.

— И всё же нам понадобится надёжный приказчик, — заметил Дин Тянь. — Нашей семье дозволено пахать землю, но соваться в купеческое сословие нельзя. Вдруг у кого-то из младших голова окажется светлой, захочет в люди выбиться...

Купцам да их потомкам до третьего колена путь на государственную службу и к императорским экзаменам заказан — закон этот блюли строго.

— И то верно, — подхватил Второй дядя, который в торговых делах собаку съел. — Мы лишь откроем лавку да наймём приказчика, а продавать станем то, что сами в деревне вырастили. Я ведь и свою лавку на твою Вторую тётю записал.

К мужчинам-торговцам закон был суров, а вот к женщинам относились куда снисходительнее. Стоило объявить лавку приданым хозяйки, и даже уездный судья не стал бы совать свой нос.

Дядя Дацзян в своё время именно так и поступил: женился на госпоже Ян и сразу открыл у ворот лавку, пустив слух, будто это её приданое. К тому же у тётушки в родне и впрямь имелись торговцы — жена её троюродного брата была из купеческой семьи и держала точно такую же бакалею. Хоть и седьмая вода на киселе, а всё же родственники. Разве зазорно, если любящий дядя передал племяннице в приданое долю в торговом деле?

В этом укладе крылась своя выгода: женщина вольна была сама распоряжаться своим добром, тогда как мужчине стоило лишь прикоснуться к весам, и вся его семья тут же угодила бы в позорное сословие торговцев.

— Вот и ладно, по рукам! Побегу я к Старосте трех деревень, — загорелся Второй дядя.

Сам он уже давно понял, что торговля — дело верное, доход приносит в любую погоду. Это тебе не пашня, где вся жизнь зависит от милости Небес. Он и брату давно советовал завести какое-нибудь дельце, чтобы не зависеть целиком от капризов земли.